

17.10.93

Шнитке Альфред

Мировая премьера
 большого произведения
 композитора, давно
 получившего
 международное
 признание, всегда
 событие. Мировая
 премьера такого ранга
 в столице сегодняшней
 России — событие
 исключительно редкое
 и вдвойне
 значительное.

Шестая симфония Альфреда Шнитке

Правда, в недавнем прошлом мировые премьеры, скажем, Прокофьева, Шостаковича, Хачатуряна, всегда проходили на родине. Просто потому, что никаких других вариантов не существовало: передавать свои партитуры за рубеж до исполнения в СССР было запрещено. Ситуация изменилась. Новые сочинения не только таких выдающихся музыкантов, как Софья Губайдулина, Гия Канчели или Родион Шедрин, но и многих пока менее известных теперь все чаще впервые исполняются за рубежом. И, соответственно, все реже мировые премьеры проходят в России. Мировую премьеру Шестой симфонии Альфреда Шнитке привез в Москву Мстислав Ростропович. Симфония и посвящена Ростроповичу и Национальному симфоническому оркестру США. В гастрольных программах прекрасного коллектива она заняла особое место. Если празднично-зрелищным центром этих трех дней было выступление на Красной площади, если исполнительской кульминацией концертов в Большом зале консерватории стала кантата Прокофьева «Александр Невский», словно открытая заново благодаря любовному отношению к партитуре великого композитора, которого Ростропович знал близко, то смысловой вершиной всего турне стала премьера новой симфонии Шнитке, ради которой автор, живущий теперь в Гамбурге, также приехал в Москву. Симфония, длящаяся 40 минут, привлекла не только внутренней значительностью, но и неожиданной новизной способа высказывания и стиля. Неожиданной — у зрелого, сложившегося мастера, которому в следующем году исполнится 60. Музыка симфонии отличается исключительной монолитностью звуковой лексики, в ней нет никаких цитат из сочинений классиков, — приема, столь знакомого по многим прежним сочинениям Шнитке. Краткие, афористические темы скорее наводят на мысль о неких звуковых монограммах вроде тех, какие использовали Бах, Шуман, Шостакович... Но композитор сказал мне, что подобной звукописи в Шестой симфонии тоже нет: «Много лет я не мог избавиться от цитат — в частности от цитирования монограммы ВАСН, — но в этой симфонии их нет. Во всяком случае сознательно я их не применял, хотя допускаю, что такое впечатление или какие-то случайные подсознательные совпадения возможны. Но в ней нет и никакой программы». По внешней форме Шестая симфония строго классична. В ней четыре части. За напряженной первой следует таинственно-фантастичное скерцо, затем прекрасное адажио и, наконец, стремительно-краткий (может быть, даже слишком краткий) финал. Почти элементарная простота рисунка тем сочетается с изысканностью их тембрового наряда и фактурного изложения. В симфонии чрезвычайно много сольных или индивидуализированных групповых эпизодов, и это создает эффект особого многоголосия, подобного многоголосию психологической драмы с обилием персонажей. Некоторая театральность, скажу больше, — балетность звуковых жестов и движений, также важнейшая составляющая облика нового сочинения Шнитке. Во всей симфонии, и прежде всего в ее первой части, неисчислимо количество пауз, заставляющих напряженно вслушиваться в переключку отдельных голосов-инструментов, в развертывание музыкальной мысли. А мысль эта полна тревоги. Симфония написана год назад, но звучащая в ней бесконечная череда возгласов-вопросов, вся ее атмосфера совпала с настроениями двадцатых чисел сентября, когда партитура осуществилась в живом звучании. Своей новой музыкой Шнитке не проповедует, не зовет, не дает ответов. Он не учитель жизни и не инженер человеческих душ, а один из нас, но сильнее страдающий, острее чувствующий красоту, раньше нас слышащий вопросы, которые задает нам судьба.

Манашир ЯКУБОВ